

ДИАНА УИНН ДЖОНС

Страшная Тайна

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445
Д 42

Diana Wynne Jones
DEEP SECRET

Copyright © Diana Wynne Jones 1997

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Laura Cecil
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Анастасии Бродоцкой
Иллюстрации в тексте Ирины Горбуновой
Иллюстрация на обложке Антона Ломаева

Джонс Д. У.

Д 42 Страшная тайна : роман / Диана Уинн Джонс ; пер. с англ.
А. Бродоцкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 544 с. : ил.
ISBN 978-5-389-11367-1

Быть магом очень непросто. У тебя, конечно, навалом всяких магических способностей, и ты много чего знаешь — в том числе и так называемые страшные тайны. Зато во вверенном тебе мире может приключиться что угодно, а потом хлопот не оберешься. Руперт Венейблз — младший магид Земли и по традиции ведает делами в империи Корифоса. Командировки в империю у Руперта самые нелюбимые — никогда не знаешь, что выкинут тамошние власти. Вот и сейчас: император сначала казнил старшего сына, а потом и сам погиб во время таинственного взрыва во дворце. Теперь магиду предстоит отыскать наследника — та еще задача: ведь все многочисленные дети императора спрятаны неизвестно где и не ведают о своем происхождении. Вдобавок, как назло, на Руперта сваливается ответственная миссия: выбрать из списка кандидатов нового магада. Бедняга Руперт разрывается между Землей и империей, лишь смутно догадываясь, что вся эта неразбериха — часть Предопределения. Возможно, и убийцы императора, и его наследники, и кандидаты в магида как-то связаны. Их дороги ведут в удивительное место под названием Вавилон. Но до поры до времени это страшная тайна...

Впервые на русском языке!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

© А. Бродоцкая, перевод, 2017
© И. Горбунова, иллюстрации, 2017
© А. Сагалова, перевод стихов, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11367-1

**Эти секретные материалы были получены
от магада Руперта Венейблза в 3413 году К. И.
и по личному распоряжению императора
помещены в новый архив в Ифорионе.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начну, пожалуй, с одной из наших страшных тайн, иначе разобраться в этом отчете будет непросто.

Вечность и Бесконечность во всей множественной Вселенной обозначают одинаково — фигурой в виде опрокинутой набок восьмерки. И не случайно, поскольку такой символ точно отражает двойную природу множественных миров: они располагаются словно бы в спиральной туманности, закрученной в ленту Мёбиуса и потому бесконечной. Говорят, что и число этих миров бесконечно и что с каждым днем возникают все новые и новые. Но еще при этом говорят, что множественные миры каким-то образом создал им-

ператор Корифос Великий, когда завоевал все от Да-стороны до Нет-стороны.

Можете считать, что миры множатся бесконечно или что их число постоянно, — как вам больше нравится. Лично я так и не решил.

Несомненно одно: половина этой восьмерки миров магически отрицательна, потому и говорят «Нет-сторона», а вторая половина положительна и называется, соответственно, «Да-сторона». Империя Корифоса расположена как раз на перегибе, в середине, и символ ее и по сей день — положенная набок восьмерка-Бесконечность.

Этот символ в империи виден повсюду и встречается даже чаще, чем памятники Корифосу Великому. Я знаю, что говорю. Около года назад меня вызвали в столицу империи Ифорион на судебное разбирательство. Согласно очень древним законам, в подобных случаях требуется присутствие магида — иначе, конечно, обошлись бы и без меня, а уж я-то без них точно обошелся бы. Командировки в Корифонскую империю у меня чуть ли не самые нелюбимые. По традиции делами империи заведует самый младший магид с Земли, а я тогда как раз таким и был. И вдобавок падал с ног от усталости. Я только накануне вернулся из Америки, где мне пришлось практически в одиночку уговаривать и подзуживать нужных людей, чтобы они установили хоть какой-то мир в бывшей Югославии и Северной Ирландии. Но едва я увидел повестку в суд, как всю мою радость и гордость как ветром сдуло. Мысленно застонав, я надел полагавшуюся по протоколу мантию из кремовой шелковой парчи с ли-

ловой лентой-столой, концы которой свисали спереди, и отправился в империю, чтобы занять свое место на закрытом судебном заседании.

Настроение у меня было прескверное, к тому же я одурел от смены часовых поясов, поэтому первым делом подумал: ну почему было не устроить заседание в каком-нибудь парадном зале? В Большом императорском дворце полно помещений, которым больше тысячи лет, и некоторые древние залы, что судебные, что бальные, просто чудесны. Но для этого заседания отвели новый зал, обшитый дубовыми панелями, от которых пахло лаком, скучный, как коробка, и начисто лишенный очарования. И деревянные скамьи были просто до ужаса неудобные. Рельефная эмблема в виде восьмерки, слишком ярко и густо позолоченная, впивалась мне в спину, сверкала на всех стенах и на огромном деревянном троне, предназначенном для императора. Помню, как я в досаде перевел взгляд на высившуюся в углу неизбежную статую Корифоса Великого. Она тоже была новая и вся в броской позолоте — но, впрочем, и сам Корифос был личность яркая, не поспоришь. Хотя все памятники ему одинаковые и идеализированные, с первого взгляда ясно, что они изображают человека, который и правда когда-то ходил по земле и обладал очень узнаваемой внешностью. У него была манера немного наклонять голову к плечу, примерно как у земного Александра Македонского, и осторожная, загадочная улыбка — Корифос словно бы говорил: «Я вас прекрасно понимаю, но все равно поступлю по-своему». Сразу понятно, что был он упрямый, как баран.

Помнится, я еще задумался, за что в империи так любят Корифоса: он правил каких-то лет двадцать,

и было это две с лишним тысячи лет назад, и к тому же почти не бывал в столице, занятый завоеваниями всего подряд, но почему-то корифонцы упорно считают его времена золотым веком. И тут я отвлекся от этих мыслей, потому что нам пришлось встать — явился нынешний император. Человек совсем иного толка — мелкий, кислый, неинтересный. Как так выходит, что императоры берут в жены прекраснейших женщин нескольких миров, а порождают потомство вроде Тимоса IX, на которого и в толпе-то не обернешься? Посмотреть на него — так просто близорукий коротышка с наглой миной. Тимос IX входил в число тех немногих жителей империи, кому требовались очки. Когда я поднялся его поприветствовать, мне от этого стало неловко. Кроме императора, я был единственным очкариком в зале, и получалось, будто я претендую на то, что я ему ровня. Вообще-то, магид во многих отношениях ровня любому самодержцу, однако на этом судебном заседании я был всего лишь независимым наблюдателем, который находился здесь по требованию закона и должен был просто подтвердить, что обвиняемый нарушил или не нарушил закон. Мне и говорить-то дозволялось только после оглашения приговора.

Все эти формальности вместе с прочими юридическими тонкостями мне занудно сообщили во вступительном слове, когда мы все уселись, а заключенного ввели и поставили в центре зала. Это был симпатичный юноша лет двадцати по имени Тимотео. На вид никакой не преступник. К сожалению, из-за смены часовых поясов голова у меня отказывалась вникать в происходящее, и, как я ни напрягался, мне удалось

разве что сообразить, что Тимотео — не настоящее имя и по каким-то туманным юридическим соображениям настоящее имя обвиняемого называть нельзя. Помнится, я снова углубился в размышления о Корифосе Великом. Мне подумалось, что его культ заменяет империи религию. В этом мерзком местечке религий было просто пруд пруди, больше тысячи разных божков и божулек, но кому поклоняться — это было сугубо личным делом каждого. Приведу пример, показывающий, до какой степени личным: мне тогда вспомнилось, что сам Тимос IX лет пятнадцать назад решил поклоняться какой-то на диво необаятельной богине, которая обитала в кустах на могиле покойного жреца и требовала от своих приверженцев особо безрадостного образа жизни. Возможно, именно поэтому у императора и был такой изможденный и мрачный вид. Однако больше никому в суде и в голову не приходило принять веру императора. Всех объединял Корифос.

Тут я волей-неволей встряхнулся. Император лично зачитал обвинение, написанное выпенненным юридическим языком. Но если пробиться через судебные формулировки, становилось ясно, что даже по меркам империи это не дело, а просто бред какой-то. Так называемый Тимотео был старшим сыном императора. Закон, который он якобы нарушил, требовал, чтобы никто из детей императора — будь то отпрыск «верных жен», «верховных дам» или «низших наложниц» — не знал, кто его родители. Если он это выяснит, его ждет смертная казнь. Смертная казнь полагается также всякому, кто помогал императорскому отпрыску это узнать.

Затем император спросил Тимотео, нарушил ли он этот закон.

Похоже, Тимотео знал об этом законе примерно столько же, сколько я. И потрясен и разгневан был, судя по всему, тоже не меньше моего. Я едва не зааплодировал, когда он сухо ответил:

— Сир, если бы я и не нарушил его раньше, то нарушил бы сейчас, ведь вы только что зачитали мою родословную.

— Так ты нарушил закон? — повторил император.

— Да, — сказал Тимотео.

Уловка-22, подумал я. Меня трясло от злости. Ничего себе шарада!

Самое ужасное, что Тимотео был не только обаятельный, но еще и умный. Император из него получился бы куда лучше отца. Очевидно, чтобы выяснить, кто он такой, нужен был особый талант. Тимотео был одним из четырех приемных детей в доме провинциального дворянина, и по ходу заседания стало понятно, что остальные трое воспитанников и сам дворянин наверняка ему в чем-то помогали. Однако Тимотео твердо держался той версии, что всю детективную работу он проделал в одиночку и дошел до всего абсолютно самостоятельно. А узнав тайну собственного происхождения, совершил роковую ошибку — написал своей матери, первой наложнице императора, и попросил подтвердить его догадку.

— Неужели тебе не приходило в голову, что теперь, когда ты все знаешь, наши враги могут похитить тебя, чтобы шантажировать нас? — спросил его император.

— Я не собирался никому рассказывать, — возразил Тимотео. — И вообще, я взрослый самостоятельный человек.

— Значит, ты намеревался претендовать на императорский престол! — догадался император.

— Нет, не собирался! — запротестовал Тимотео. — Просто мне не нравилось, что я не знаю, кто я такой. По-моему, я имею право знать!

— Нет, не имеешь! Твои собственные слова доказывают, что ты виновен в заговоре против короны! — Император был явно доволен собой. И поглядел на меня — я заерзал на высокой неудобной скамье. — Закон есть закон, — сказал он. — Магид, засвидетельствуйте, что этот человек нарушил закон нашей империи.

Я молча поклонился. Говорить с ним было выше моих сил.

Потом было много пустой болтовни, и другие савонники вставали, шурша парадными шелками, и тоже свидетельствовали, что закон нарушен. Как будто какой-то дурацкий торжественный танец. Я сидел и думал, как бы улучить момент и колдовством утащить юного Тимотео подальше отсюда, — думал, но так ничего и не сделал, наверное, потому, что голова была дурная из-за часовых поясов. К этому времени лицо у Тимотео стало совсем огорошенное. Перед ним только что промаршировали шесть человек и передали ему смертный приговор, и каждый взметнул у него перед носом белой подкладкой ярко-розовой мантии. Как будто тебя приговаривает к смерти клумба с петуниями. Вот я и не сообразил, что все это всерьез. И решил, что действовать начну, когда Тимотео поведут обратно в камеру для приговоренных. В зал суда его доставили под конвоем целого отряда дворцовых гвардейцев и на всякий случай еще и в сопровождении

волхва и, похоже, вообразили, будто такая охрана никому не по зубам. Поэтому я выжидал.

И довыжидался. Петунии отступили. Император безо всякого выражения проронил:

— Приговор можно привести в исполнение немедленно.

И поднял руку, всю унизанную перстнями. Видимо, в один из камней был встроен этот их миниатюрный лазер. Тимотео тихонько охнул и повалился на бок, изо рта у него потекла кровь.

Все произошло ужасно быстро — во мне даже вспыхнула надежда, что это какой-то фокус. Я вообразить не мог, чтобы император — император чего угодно, пусть даже Корифонской империи, — не захотел оставить в живых своего старшего сына. И когда я на негнущихся ногах ковылял по лакированным деревянным ступеням к центру зала, то был уверен, что все это какой-то спектакль, чтобы враги императора решили, будто Тимотео погиб. Но это был никакой не фокус. Я потрогал Тимотео. Он был еще теплый, как живой, но пальцы сказали мне, что в теле больше нет души.

Я встал и поспешно зашагал прочь от трупа, не желая скрывать своих чувств.

Мне было тошно и от себя, и от императора. По дороге домой я мысленно твердил, что империя на то и империя и в таких местах нечего и рассчитывать на сострадание или даже уважение к человеческой жизни. Времени, чтобы клясть себя на чем свет стоит, у меня было предостаточно. Земля находится по Нет-сторону от империи, поэтому всю дорогу мне пришлось словно бы подниматься по отлогому склону и как будто подтягиваться на кристаллической решетке между мира-

ми, так что когда я добрался до дому, то ненавидел уже не только империю, но и дурацкий наряд, который меня заставили напялить и который не давал нормально двигаться. Как раз когда я, оказавшись наконец в собственной гостиной, срывал с себя эту мерзость, зазвонил телефон.

Я только и мечтал, как сяду и выпью свежесваренного кофе, а потом позвоню старосте магидов и подам на императора официальную жалобу. Поэтому выругался. И схватил трубку.

— Ну что?!

Оказалось, что это мой старший брат Уилл.

— День не задался? — спросил он.

— Не то слово, — отозвался я. — Был в Корифонской империи.

— Тогда точно не задался, — ответил Уилл. — Какое счастье, что я за нее больше не отвечаю. — (Уилл тоже магид.) — К сожалению, мой звонок тебя точно не утешит, у меня печальный повод. Я у Стэна Чарнинга. Он болен. И зовет тебя.

— О господи! — выдохнул я. — Ну почему беда не приходит одна?

— Не знаю. Так уж повелось, — сказал Уилл. — К страшным тайнам это не относится, а жаль. Руперт, я думаю, Стэн умирает. Он тоже так считает. Мы хотели позвать и Сая, но его нигде не найти. Когда сможешь прибыть?

— Через полчаса, — сказал я. Стэн живет на окраине Ньюмаркета. А я — в Уиверс-Энде, это сразу за Кембриджем.

— Хорошо, — ответил Уилл. — Тогда я пока посижу с ним и дождусь тебя.

Уилл имел в виду: «И, если понадобится, обеспечу, чтобы он дотянул до твоего прихода». Если Стэн и правда умирает, значит ему надо передать мне какие-то магидские дела.

— До скорого. — И Уилл повесил трубку.

Я задержался дома ненадолго — только чтобы сварить кофе и отправить старосте магидов факс, что я собираюсь подать жалобу на империю, если понадобится — в Верхнюю палату. Староста магидов живет за несколько миров от Земли в Нет-сторону, и обычно с меня семь потов сходит, пока я пропихну туда факс. Но в тот день мне хватило нескольких секунд. Пять гневных отточенных фраз — и все в мгновение ока. Просто я ни о чем не мог думать, кроме Стэна. И когда сел за руль, то думал только о нем. Обычно, усевшись в машину, я делаю паузу и наслаждаюсь моментом, особенно если только недавно откуда-то вернулся. Машина у меня просто невозможно прекрасная, я с детства о такой мечтал. И всякий раз замираю и радуюсь, как же хорошо, что доходы позволяют мне водить подобную машину. Но в тот день все было иначе. Я просто сел и поехал, прихлебывая кофе из термоса, а в голове моей были только мысли о Стэне.

Это Стэн добился, чтобы сначала Уилла, потом нашего брата Саймона, а потом и меня приняли в Содружество магидов. Это он научил меня почти всему, что я знаю. По-моему, я тогда не представлял себе, как буду жить без него. И все молился — вот бы кто-нибудь из них ошибся, или он, или Уилл, вот бы на самом деле Стэн не умер. Да только магиды в подобных вещах не ошибаются, вот беда.

— Зараза! — сказал я вслух.

Мне все время приходилось смаргивать. Я толком не видел всех тех дорог, по которым ехал, пока машина не запрыгала по заросшему ухабистому проселку, который вел к бунгалу Стэна.

Не бунгало, а гадость. Клякса на пейзаже. Будто шмякнули на плоскую пустошь огромный куб стилтонского сыра. Мы частенько подшучивали над Стэном, что оно такое страшненькое, но он всегда говорил, что ему там очень неплохо живется. Мои знакомые — особенно те, кто знал всех трех братьев Венейблз в кембриджский период нашей биографии, — не могли взять в толк, что мы нашли в убогом мелкотравчатом Стэне, бывшем жокее. И спрашивали, как нам удастся заставить себя подолгу торчать в его жуткой лачуге — а мы оттуда не вылезали.

Дело в том, что все магидаы живут двойной жизнью. Нам надо как-то зарабатывать на хлеб. Стэн зарабатывал тем, что давал шейхам и прочим богатеям советы насчет скаковых лошадей. А я программист, в основном пишу компьютерные игры.

Я поставил машину возле драндулета Уилла. В сумерках и против света он сойдет за «лендровер». Но на ярком солнце, как тогда, волей-неволей отведешь глаза и подумаешь — чего только не померещится. Я пробрался между машинами, и Уилл открыл мне бутылочно-зеленую дверь бунгало.

— Доброе утро, — сказал он. — Мне пора коз доить. Он в левой передней комнате.

— Он еще... — начал было я.

— Да, — кивнул Уилл. — Я уже попрощался. Жаль, что Сая так и не разыскали. Он уже сто лет пропадает

где-то в Да-стороне, и у кого я ни спрашивал, никто не поддерживает с ним связь. Стэн написал ему письмо. Ну, ты мне скажешь, как и что, да? — И он с сосредоточенным видом прошел мимо меня и забрался в свой жуткий драндулет.

А я двинулся в бунгало. Стэн лежал на узкой кровати у окна, вытянувшись во все свои пять футов¹. Кривоватые ноги были в джинсах детского размера, один носок протерся на большом пальце. На первый взгляд и не заподозришь, что Стэну совсем худо, если не знать, что обычно-то он постоянно чем-то занят, ни минуты на месте не сидит. Но когда я посмотрел в лицо — а я посмотрел почти сразу, — то заметил, что кожа как-то странно натянута на черепе, а глаза, словно кошачьи, таращатся из-под высокого лба, который казался еще выше из-за поредевших седых кудрей, и лихорадочно блестят.

— Где ты пропал, Руперт? — одышливо пошутил он. — Уилл тебе уже минут пять как позвонил!

— Да в Корифонской империи, — ответил я. — Пришлось писать жалобу старосте магидов.

— А, этой! — пропыхтел Стэн. — Да ее завалили жалобами все магидаы, кто туда хоть раз совался. Злоупотребление властью. Нарушение прав человека. Манипуляции магидами. Прогнившая система. Мне давно кажется, что она просто складывает их все в папку с надписью «К. И.», а потом ее теряет.

— Принести тебе чего-нибудь? — спросил я.

¹ 1 фут — примерно 30,5 см, то есть рост Стэна — всего 1,5 м. Жюкеи обычно и бывают невысокими и худыми — небольшой вес дает им преимущество над соперниками. (Здесь и далее примеч. ред.)

— А смысл? — ответил он. — Мне осталось примерно с час, переварить ничего не успею. Но от водички, пожалуй, не откажусь.

Я принес ему стакан воды из кухни и помог приподняться, чтобы удобно было пить. Стэн совсем ослабел, и от него пахло. Чем именно — не описать, но так пахнут только безнадежно больные, и если знаешь этот запах, его уже ни с чем не спутаешь. Я его помню, потому что от дедушки так пахло.

— Может, доктору позвонить? — спросил я Стэна.

— Рано. — Он откинулся на подушки, слегка отдуваясь. — Мне еще многое надо сказать.

— Спешить нам некуда, — заметил я.

— Не смешно! — буркнул он. — Ну... Ладно. В общем, так. Ты, Руперт, младший магид на Земле, поэтому на тебя ложится обязанность найти мне преемника и поручиться за него... Но это ты, надеюсь, и без меня знаешь.

Я кивнул. Количество магидов неизменно. Когда кто-то умирает, мы стараемся заполнить пустоту как можно скорее, потому что у нас очень много работы. Именно таким образом Стэн и поручился и за меня, и за братьев. Тогда трое магидов умерли с промежутком меньше полугода, и случилось это задолго до того, как Уилл успел подготовиться к тому, чтобы претендовать на место. До этого Стэн был младшим магидом на Земле почти десять лет. Как я говорил своему брату Уиллу, беда не приходит одна.

— Так вот, я тебе должен тут кое-что объяснить, — продолжал Стэн. — Во-первых, я составил для тебя список кандидатур. Он в левом верхнем ящике пись-

менного стола, вон там, лежит поверх завещания. Будь паинькой, убери его с глаз долой, пока никто не увидел.

— Что? Прямо сейчас? — спросил я.

— А что плохого в «прямо сейчас»? — поинтересовался он.

Суеверие, подумал я и двинулся к столу. Мне не хотелось вести себя так, будто Стэн уже умер, пока он жив. Но ящик я выдвинул, увидел там сложенный листок, взял его и развернул:

— Такой короткий?!

— Не нравится — дополни! — ответил Стэн. — Но сначала разберись с этими. Я весь последний месяц старался, чтобы у тебя были хорошие, сильные кандидаты. Двое даже успели побывать магадами — в прошлой жизни.

— А это хорошо? — спросил я.

Стэн очень увлекался идеей переселения душ. С моей точки зрения, это был его большой недостаток. Он был готов поверить всему, что только ни расскажут про реинкарнацию. И ему, похоже, и в голову не приходило, что, когда люди вспоминают прошлые жизни, почему-то никто не говорит, что его прошлая жизнь была самая обычная. Сплошные короли, королевы да верховные жрицы.

Стэн усмехнулся, отчего его странно перекошенное лицо перекошилось еще больше. Мое мнение было ему известно.

— Ну, если они взяли на себя труд переродиться, уже одно это значит, что они ребята неглупые. Сам поймешь, сколько пользы, если у кого-то от рождения в подсознании половина всего, что нужно, да еще и таланта ему не занимать. Правда, у всех в моем списке

хорошие, крепкие таланты. Перспективней не найдешь. — Он помолчал. Ему все время не хватало дыхания. — Только рассмотри их как следует, — продолжил он. — Знаю, нам не положено с этим делом затягивать, но все-таки оно не то чтобы прямо горит. Бери пример с меня: я оставил вас в покое почти на год. Мне и самому не верилось, что у трех братьев в одной семье могут быть способности магидов. А потом думаю — а что такого? Может, это наследственное. Только я тебе никогда не говорил, из-за чего принял окончательное решение по поводу тебя.

— Потому что мое превосходство было очевидно? — предположил я.

Стэн хохотнул:

— Нет. Потому что ты был магидом по меньшей мере в двух прошлых жизнях.

Будь это обычный разговор, я бы страшно разозлился.

— У меня нет никаких воспоминаний о прошлых жизнях, — отчеканил я, — и я никогда не говорил тебе ничего такого, из чего следовало, что я о них помню.

— Об этом можно и по-другому узнать, — самодовольно ухмыльнулся Стэн.

Возражать я не стал. Не время спорить.

— Хорошо. Я тщательно рассмотрю всех из этого списка.

— И не обязательно выбирать того, кто больше всех хочет. Испытай их, — сказал Стэн. — А когда все-таки выберешь, прежде чем приступить к обучению, обязательно возьми кандидата с собой на какое-нибудь большое серьезное задание. Погляди, как у них дело пойдет, — как я испытывал тебя в истории Да-сторонней порнографией, а Уилла — с нефтяным кризисом...

— А у Саймона что было? — спросил я. Мне никто не рассказывал.

— Моя большая ошибка, — признался Стэн. — Кто-то наладил торговлю рабынями и невестами, переправлял девушек с Нет-стороны через Землю и дальше до самой Корифонской империи. Я поручил Саймону работать с отрядом полиции, который прислали из империи, чтобы я помог им разобраться с этим делом. И оказалось, что половина из полицейских кентавры. Не мог же я сказать ему, что они с Земли! А после этого уже пришлось утвердить Саймона в должности магида: он слишком много видел. Повезло мне, что магид из него вышел хороший. Но ты не волнуйся, ты так не оплошаешь.

— Да уж надеюсь! — сказал я.

— Не оплошаешь, — заверил меня Стэн. — А если вдруг попробуешь, я подстрахую.

— Э-э-э... — начал было я, не зная, как подать ему горькую правду.

— Я буду поблизости, — заявил Стэн. — Я договорился, что задержусь здесь. Магид вполне может работать и в развоплощенном виде, и именно этим я и планирую заняться, пока ты все не уладишь.

Я ушам своим не поверил и полушутя спросил:

— Значит, ты мне не доверяешь и считаешь, что я провалю все дело?

— Доверяю, — ответил Стэн. — Но ты ходишь в магидах всего года два с небольшим. А всем магидам-новичкам полагается дисциплинарный советник, я это вычитал в отчетах. Вот я и спросил у Верхней палаты позволения остаться и присмотреть за тобой, и там,

похоже, решили, что в этом есть здоровое зерно. Так что я тут побуду. Можешь на это рассчитывать.

Он вздохнул и уставился куда-то в пространство, за облупившийся грязно-белый потолок.

Я тоже вздохнул, а сам подумал: «Стэн, давай по-честному. Ты просто не хочешь уходить навсегда. И я тоже не хочу, чтобы ты уходил».

— Правда, в основном мне просто жуть как не хочется уходить, — добавил Стэн. — Мне всего-то семьдесят девять. Совсем немного для магада.

Я-то думал, ему едва за шестьдесят, и так и сказал.

— А, да-да, — отозвался он. — Я старался держать форму. Мы все стараемся. А потом в один прекрасный день тебе говорят: «Ну все, дружок. Завтра помирать», и ты понимаешь, что таки да. Мне разрешили протянуть до заката.

Я невольно глянул в окно. Стоял ноябрь. Тени уже удлинились.

— Когда солнце сядет, вызовешь врача, — велел Стэн и надолго умолк.

Я дал ему воды, сварил себе еще кофе и стал ждать. Через некоторое время он снова заговорил — на сей раз не так чтобы совсем о делах: пустился в воспоминания.

— Я частенько видел, как меняется этот мир, — рассказывал он. — Помогал разгрести разные политические завалы, накопившиеся за наше столетие. Теперь мы расчистили место под перемены, которые принесет грядущий век. Но больше всего меня радует, знаешь ли, что мы сумели сдвинуть этот мир в Да-сторону. Помаленьку. Украдкой. Когда я был молодой, никто даже не задумывался, что могут быть и другие вселенные, а уж

о том, чтобы туда попасть, и речи не было. А теперь об этом пишут целые книги, все говорят, как творить волшебство и что у всех есть прошлая жизнь, и когда об этом упомянешь, никто не сочтет тебя психом ненормальным. И это, по-моему, сделал именно я. Я. Это я подтолкнул нас назад по спирали. Вернул на место. Ты, наверное, знаешь — то есть точно знаешь, — что Земля из первых миров и на самом деле нам положено быть гораздо дальше в Да-сторону, чем сейчас.

— Знаю. — Я нервно поглядывал на тень от своей машины, которая уже всюду напознала на заросшую сорняками лужайку.

— Подтолкни нас еще чуть-чуть, — проговорил он.

— Мы отчасти для этого и нужны, — ответил я.

Потом, когда в комнате потемнело, Стэн вдруг сказал:

— А знаешь, я ведь вернулся только из-за ностальгии.

— Ты о чем? — спросил я.

— Я начинал работать магидом далеко в Да-стороне, — прошептал он. Голос у него слабел. — Сам выбрал. Примерно как Саймон. Но я выбрал те края из-за кентавров. Всегда любил кентавров, всегда хотел с ними работать. И когда узнал, что кентавры есть в половине миров по Да-сторону от нас, сразу помчался туда. И ты знаешь, наверное, не вернулся бы. Кентаврам нужна волшебная среда — это ты и сам понимаешь, — и когда мы сместились в Нет-сторону, здесь они все вымерли. Три года я был совершенно счастлив — работал с кентаврами, изучал их. Наверное, я знаю про кентавров и их обычаи все на свете. А потом меня одолела ностальгия. Раз — и все. Даже не могу объяснить, по чему именно я тосковал. Такое было всеохватное чувство. Просто мир, в котором я жил,

не был Землей. Пахло неправильно. Ветер дул не так, как здесь. Трава была не того зеленого цвета. Какие-то мелочи — вода на вкус слишком чистая... Потому-то и пришлось вернуться.

— И работать жокеем, — сказал я.

— Ну, это почти что быть кентавром, — ответил Стэн. И добавил после долгого молчания: — Хочу в следующей жизни быть кентавром. Надеюсь, это можно устроить. — И после еще более долгого молчания: — Позвони-ка доктору, пора.

Телефон был в кухне. Я пошел туда и обнаружил, что возле телефона лежит блокнот, в котором аккуратно записан номер врача. Помню, когда я набирал номер, то подумал, что поступаю нехорошо по отношению к юному Тимотео. Ведь я был одним из тех немногих, кто мог бы горевать по нему, но горевал я только по Стэну. В следующий миг я опять начисто забыл о Тимотео. Стэн все очень тщательно организовал. К моему изумлению, врач сам подошел к телефону и пообещал, что приедет через пять минут. Я повесил трубку и вернулся в спальню.

— Стэн... — позвал я.

Никто мне не ответил. Похоже, Стэн хотел испустить последний вздох в одиночестве, без посторонних глаз. Умирая, он наполовину свесился с кровати. Я осторожно поднял его и положил обратно на постель.

— Стэн! — снова окликнул я мертвый сумрак.

Ничего. Я ничего не чувствовал.

— А ведь кто-то обещал тут задержаться, — сказал я вслух.

И все равно ничего.

Литературно-художественное издание
Для старшего школьного возраста

ДИАНА УИНН ДЖОНС

Страшная Тайна

Ответственный редактор *Александра Сагалова*
Редактор *Нат Аллунан*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Подготовка иллюстраций *Валерия Макарова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Корректор *Ксения Казак, Маргарита Ахметова*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 22.06.2017. Формат издания 60×90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34.
Тираж 4000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Тулская типография»
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

CFUN1939601R